

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

БЕССМЕРТНЫЙ
ЭШЕЛОН

Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть

Сергей Зверев

Бессмертный эшелон

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Бессмертный эшелон / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2022 — (Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть)

ISBN 978-5-04-179132-2

Этому автору по силам любой жанр: жесткий боевик и военные приключения, захватывающий детектив и криминальная драма. Совокупный тираж книг С. Зверева составляет более 6 миллионов экземпляров. Его имя – неизменный знак качества каждой новой книги. Советское командование готовит прорыв ленинградского блокадного кольца. Экипаж лейтенанта Алексея Соколова оказывается в танковой бригаде, выдвинутой на самое острие наступления. Ожидая своей очереди на разгрузку, эшелон с техникой на какое-то время задержался на открытой местности. Этим незамедлительно воспользовались немцы. Они бросили на состав сначала бомбардировщики, а следом – тяжелые танки. Алексей не может спокойно смотреть, как на его глазах гибнут родные «тридцатьчетверки». В самый отчаянный момент он принимает единственно верное, но очень рискованное решение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-179132-2

© Зверев С. И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Зверев

© Зверев С.И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

Алексей от смущения растерялся и не знал, что сказать. Ничего не идет на ум, когда на тебя смотрят два десятка глаз, пускай в полутьме, но он кожей чувствовал их напряженное внимание.

В бою проще. За три года войны молодой лейтенант, теперь уже командир танковой роты в десять боевых единиц, научился заглушать страх, не замечать комок в горле, отдавать приказы, не думая о тех, кто уже их не слышит, догорая в подбитом танке. Поэтому в неформальной обстановке так оказалось трудно молодому ротному найти правильные слова. Ведь он младше большей части всех, кто сейчас замер в вагоне-теплушке, терпеливо ожидая слова поздравления от своего командира. Лейтенант Алексей Соколов уже год как был назначен командовать танковой ротой – десять «тридцатьчетверок» и больше тридцати человек рядового состава, и это в двадцать пять лет, почти сразу после окончания танковой школы. Только боевые заслуги и звания дались ему не просто так, каждый километр военных дорог отмечен страшными сражениями, из которых он сумел выйти живым благодаря мужеству и умению мыслить тактически. И не он один. Любимый экипаж прошел с ним все три года войны, не потеряв верный Т-34 по прозвищу «Зверобой», и тоже остался жив. И вместе с командирским экипажем шли сражаться с армией фашистов танковые отделения, веря в победу, веря в своего командира.

Только вот сейчас Алексей стоит, зажав в руке металлическую фляжку с «боевыми» стаграммами, и никак не может найти важные слова, чтобы поздравить своих бойцов с праздником. Сегодня Новый год, прямо сейчас стрелки на Спасской башне коснулись цифры двенадцать, а здесь, на фронте, весь вагон замер в ожидании чуда, которое, возможно, случится в новом году. Чудо как в сказке, чтобы злодей был наказан, а добро победило. И Алексей вдруг понял, что они действительно, как дети, ждут чуда, только должны это чудо совершить сами, своими руками, своим оружием и техникой. И он, выдохнув, звонко сказал:

– За победу, товарищи! За то, чтобы в новом году мы одолели проклятого Гитлера с его армией и освободили нашу страну! За мирную жизнь!

По вагону прокатилось дружное «ура», раздался металлический звук от чоканья фляжек со спиртом. Разомлевшие от тепла, еды, выпивки, танкисты сидели, окружив самодельную печурку. Они пускали по кругу нехитрую закуску – котелок с консервами и сухари. Пошли разговоры о мирной жизни, о родных и любимых, что ждали в тылу.

Коля Бочкин, заряжающий командирского экипажа, захмелевший и румяный после непривычной ему выпивки, показывал фотографию миловидной девушки:

– Вот, невеста меня ждет, Лиза, в консерватории учится. С концертами на фронте выступает!

– Ух ты, артистка!

– Красавица! Повезло тебе, парень!

Со всех сторон понеслись одобрительные возгласы.

– Вернусь домой и сразу женюсь! – смело заявил Колька и с чувством чмокнул помятый снимок.

Старшина Василий Иванович Логунов, командир танка и наводчик командирского экипажа, по-отечески заботливо приобнял разбушевавшегося парнишку. Привык он заботиться о Кольке, все три года опекая и в бою, и во время затишья двадцатилетнего неопытного ефрейтора. Но делал он так не только потому, что как командир экипажа отвечал за жизнь каждого из своих подчиненных, да и по сравнению с остальными членами танкового отделения обладал немалым военным опытом: он участвовал в Финской войне и был награжден за военные действия при прорыве линии Маннергейма. Военный опыт и широкая душа помогли сибирскому

богатырю заботиться словом и делом о боевых товарищах. Но к Кольке у него было особенное отношение, парнишка, можно сказать, был его названным сыном. Логунова и Бочкина призывали в танковые войска из одной деревни из-под Омска, где еще до войны у Василия начался роман с местной красавицей Любой Бочкиной. И успел бы добродушный и честный Василий жениться на своей возлюбленной, если бы не упрямство и сопротивление ее сына – Николая. Только оказавшись на войне в одном танке, пройдя через ужасы боев, Колька понял, как был неправ, устраивая матери скандалы, не желая принимать отчима в семью. И за три года войны тот стал ему настоящим отцом, роднее любого человека на земле. Вот и сейчас, заметив, что парнишка от усталости и непривычной для него выпивки быстро опьянел, Василий мягко приобнял его за плечи и потянул к самодельным нарам вдоль стен, где уже были приготовлены из шинелей мягкие постели. Колька покорно шлепнулся на самодельную лежанку, протянул еще раз задиристо:

– Приеду, и сразу свадьбу сыграем!

– Сыграем, сыграем, спи пока! – рассмеялся в усы Логунов, умиляясь задору пасынка, представив, как он будет гулять на Колькиной свадьбе.

Каждый в этой теплушке, что стремительно везла их в сторону Финского залива, к подступам фашистского кольца вокруг Ленинграда, мечтал погулять на свадьбе боевого товарища, взять на руки своих детей, обнять жену или родителей. И разговоры о мирной жизни не утихали.

– Гитлер и его армия – зло страшное, единственная радость в том, что жену свою встретил на войне. Если бы не эта случайная встреча, то так и остался бы бобылем до конца жизни, – покачал головой Семен Михайлович Бабенко, механик-водитель командирского танка.

Бывший инженер-испытатель, интеллигентный пожилой мужчина, он разительно выделялся из рядового состава танковой роты своими неармейскими манерами, привычкой говорить и думать размеренно. Он повернулся к своему ротному с вопросом:

– Парадоксально, Алексей Иванович, не правда ли? Смерть, разруха, горе человеческое, все это мы каждый день видим, но так хочется любить и быть любимым...

– Да, мне мысль о моей любимой помогает, я за нее сражаюсь. Бабушка и родители умерли, с войны меня ждет только моя невеста Оля. И я каждый день об этом помню, – от теплой уютной темноты на Соколова накатила ватная усталость, только он стеснялся прервать общий праздник, бросить товарищей и окунуться наконец в глубокий сон, улегшись на самодельном настиле.

Чуткий Бабенко сразу заметил, что молодой командир почти падает от усталости, через силу разделяя общую радость праздника. Сержант откашлялся, пихнул Логунова в бок – посмотри, расходиться пора, парни с ног валяются, а завтра уже ждет бой или марш-бросок, нужно побережь силы. Василий Иванович, как всегда, без слов понял боевого друга, в знак согласия кивнул и загудел мощным басом:

– Ну что, ребятки, на боковую пора, завтра прибываем поутру и на построение.

Заботливый Бабенко кивнул на крайнюю лежанку:

– Алексей Иванович, укладывайтесь, я приготовил все, даже сено нашлось, так что спать будете, как в младенец в люльке.

– Спасибо, – только и смог прошептать Соколов.

Едва вытянувшись на лежанке, парень крепко заснул. Последние недели давались молодому танкисту тяжело – долгие бои, освобождение пленных из концлагеря в Белоруссии, а потом вдруг неожиданный приказ о срочной передислокации на Ленинградский фронт для участия в готовящейся военной операции «Нева-2» по освобождению блокадного города. Хотя и действовала Дорога жизни – узкий коридор, по которому в осажденный город поступало продуктовое снабжение, а обратно получалось вывозить людей, но удерживать пробитый через блокадное кольцо проход удавалось тяжело, ценою больших усилий. А немцы при этом видели

вторую столицу СССР в бинокль со своих позиций, каждый день устраивая воздушные налеты и разрушая город тысячами бомб. 18-я армия группы армий «Север» стояла несокрушимой стеной по линии Петергоф – Стрельна, отражая все попытки прорвать немецкую оборону. И теперь Верховная ставка отдала приказ усилить советские военные соединения и освободить город, сломив сопротивление армии Гитлера. После битвы под Сталинградом наступил перелом, и теперь Красная армия наступала, пускай медленно, с большими потерями, но каждый день возвращая километры своей территории, а армия вермахта отступала все дальше к границам Европы. Для укрепления советских позиций у Ленинграда стягивали воинские соединения со всех фронтов по стране. Поэтому в сторону Финского залива двигался сейчас состав из теплушек для членов танковых отделений и платформ для легендарных бронированных машин Т-34.

В вагоне после приказа «отбой» остальные танкисты разделились: кто-то остался у тепловой печурки шепотом вести разговоры, кто-то с удовольствием улегся на деревянных нарах, приколоченных к стенкам вагона. После многочасовых ночевки под открытым небом, в окопах, залитых по колено водой, в тесном брюхе танка или среди разбомбленных останков жилых домов выспаться в тепле на мягкой шинели с крышей над головой под убаюкивающий перестук колес поезда было чудесным подарком в новогоднюю ночь.

Только Руслан Омаев, радиотелеграфист-пулеметчик командирского экипажа, так и просидел весь праздничный вечер в стороне от веселящихся людей. Из-за разговоров о мирной жизни, свадьбе на душе у него стало невыносимо больно, до горячих слез из глаз. Его невеста, санинструктор Людмила, в самом начале войны погибла от осколка немецкой бомбы. Произошло это прямо на глазах младшего сержанта. Того штурмовика он сбил из винтовки, но любимая истекла кровью от осколочного ранения. С тех пор в сердце Руслана поселилась ненависть к фашистам, которая помогала ему отчаянно драться в каждом бою, но причиняла безумную боль в мирные минуты. Гордый чеченец, отважный боец, ловкий разведчик не привык никому показывать свое горе, поэтому он, свернувшись калачиком, тихо лежал в темноте самого дальнего угла в вагоне. Вдруг рядом шевельнулась тень, и он понял, что притаился в спасительной тени не один. Сконфуженный парнишка с безусым круглым лицом откашлялся и, не зная, как начать разговор, представился:

– Ефрейтор Тенкель, – дернул он руку к голове и тут же ойкнул, вспомнив об отсутствии головного убора. Помолчав секунду, робко добавил: – Можно просто Марк.

– А я Руслан, – кивнул чеченец.

– Я знаю, я про вас слышал, нам в танковой школе про вас рассказывали. Знаменитый экипаж лейтенанта Соколова, герои танковых сражений. Я поэтому дядю упробил приказом к вам прикомандировать, в вашу роту. Ой, – снова смутился парнишка, поняв, что сболтнул лишнее.

– Ты что, племянник полковника Тенкеля? – удивился сообразительный Омаев. Он сразу вспомнил фамилию их недавнего командира.

Отважный и стремительный Абрам Матвеевич Тенкель был командиром первой гвардейской танковой бригады Первой танковой армии. Под его руководством экипаж Т-34 под номером 007 сражался на Белорусском фронте буквально неделю назад, а теперь вот был отправлен по железной дороге в центр страны, в самое ее сердце, освобождать плененный город. От громкого восклицания Руслана его собеседник поспешно замахал руками:

– Не рассказывайте только никому, прошу вас! Я даже хотел под чужой фамилией служить, чтобы не относились, ну, понимаете... как к племяннику полковника. Мне этого не нужно, я воевать хочу, и мне надо обязательно в Ленинград. Мы с моими друзьями из танковой школы все к вам попросились в роту, чтобы немцев разгромить и освободить жителей города. Мы вместе будем воевать в одном танке, ребята знают, что я хороший стрелок, лучше

всех на полигоне наводку давал. И водить машину умею. Вы не подумайте, я не хвастаюсь, – горячо шептал Марк. – Это я просто, ну... чтобы вы не подумали, что все из-за дяди. Он не хотел меня отпускать, ведь у него вся семья погибла, только я остался и мои брат с сестренкой, – парнишка помедлил и, вздохнув, продолжил: – После окончания восьмого класса я на каникулах поехал к родне в Кишинев, чтобы отдохнуть, и тут началась война. До Кишинева я не добрался, попал под бомбежку, потом в госпитале лежал. А когда вышел, узнал, что вся наша родня погибла, немцы расстреляли при оккупации. Прабабушку Сару, тетю Изольду, прадедушку Мотю... всех... семьдесят человек. Мама погибла при бомбежке Ленинграда, отца немецкий штурмовик подбил, бабушка отправила мне последнее письмо год назад, и я не знаю с тех пор, живы ли Софа с Минькой, мои брат с сестрой. Поэтому дядя Абрам не хотел меня отпускать, разрешил лишь только из-за Софы с Мишей. Я должен освободить город и найти их. Я Софу видел, когда ей было всего лишь два года. Она совсем малышка, я должен их освободить, – в голосе у парнишки вдруг прорвались рыдания, и он затих.

Руслан ждал рукав новенькой необмятой гимнастерки:

– Послушай, Марк, ты один город не сможешь освободить. Но нас много, понял? Целая армия танков и танкистов! И мы одолеем немца, будем биться до последнего, хоть голыми руками. Вот смотри! – В темноте сверкнул серебром металл. – Мой дед в Первую мировую им многих врагов убил и мне передал, чтобы я за нашу страну сражался, за каждого мирного жителя. Кончатся снаряды, мы зубами, руками будем рвать врага, но город освободим. Хоть Гитлер лично пускай на самолете прилетает, ему уже ничего не поможет, мы фашистов с нашей земли давно гоним в полную силу.

Марк от поддержки Омаева облегченно вздохнул, ведь никому не признаешься, как страшно перед первым боем: ни дяде, ни командиру, ни товарищам по танковому отделению, а вот этому худенькому парню со смелым взглядом он и сам не заметил, как выложил все терзающие его страхи. От его горячей уверенности в победе и сам Марк почувствовал, как изнутри рвется волна злости и боевого азарта – нанести такой удар по немцам, чтобы они бежали из оккупированной страны как можно быстрее.

– Нам в танковой школе на политзанятии рассказывали о линии «Пантера». Она идет от Идрицы по реке Великой, озерам Псковскому и Чудскому к реке Нарве, а дальше до Балтийского моря. Гитлер пригнал туда все мирное население на трудовые работы, строят ДЗОТы, ДОТы, проволочные заграждения, противотанковые рвы, полевые укрепления. Укрепляют свои позиции, боятся нашего наступления. Если мы прорвем оборону, командование немецкой армии планирует территорию затопить. Представляете, они готовятся уничтожить всех, кто там живет – детей, стариков, женщин. Это же сотни тысяч невинных людей!

Руслан упрямо покачал головой:

– Наш командир придумает, как эту линию разгромить. Не из таких передраг выходили. У немцев техника, а у нас отвага и смекалка. И лучшие в мире танки Т-34! Их немцы знаешь как боятся. У нас и скорость, и маневренность, и пушка мощная. А еще отремонтировать можно прямо в поле! Не то что эти увальни «тигры». Видел я их. Еле ворочаются, пушка, может, и мощная, но пока он повернется, мы за это время успеваем выстрелить и в укрытие уйти. Да и подвеска слабая у них, даже стрелять не надо, так на марше дохнут. А шахматные гусеницы, они ж от грязи встают колом!

Руслан еще долго описывал слабости немецких машин, рассказывая, куда надо бить, из-за чего ломаются новые модели танковой армии вермахта. Марк ловил каждое слово опытного танкиста, глаза его горели огнем, он жаждал как можно быстрее вступить в бой, рвался к победе!

Разговоры в вагоне совсем затихли, каждый танкист нашел себе местечко, чтобы передохнуть в последнюю ночь перед конечной станцией. В тишине только раздавался храп, тихие

стоны или вскрики спящих. Даже во сне война не отпускала людей, приходила в ночных кошмарах.

– А у вас есть невеста? – задал вопрос любопытный Марк.

– Погибла, – коротко ответил Руслан. – У меня теперь наша «тридцатьчетверка» вместо любимой девушки. Я так переживал, когда ее пришлось на время оставить в лесу в сугробе. Не могли после операции выбраться с вражеской территории, горючка закончилась, пришлось спрятать машину в аппарели. Но ничего, мы потом немцев с того плацдарма выбили и сразу в лес, по меткам нашли убежище нашего «Зверобоя». Два часа кипятков по системе гоняли, чтобы разморозить танк, и он как новенький заработал, загудел. Теперь с нами едет на Ленинградский фронт, – взмахом ладони Руслан указал на стенку вагона, за которой на сцепке паровоз тянул платформы с советскими «тридцатьчетверками».

– Почему вы его «Зверобоем» назвали?

– Это Николай Бочкин так решил, заряжающий наш. Его мама работает в Омске на станкостроительном заводе. Женщины-работчие сами собрали деньги на строительство машины для нас. Башня специальная, увеличенная, у нас же кроме башнера, стрелка, заряжающего и мехвода командир роты находится. Тесновато, но помещаемся. Этот танк не просто машина, он для нас – святое, равноправный член экипажа. Поэтому Кольке дали право придумать имя танку и на башне написать. Он Фенимора Купера с детства любит, решил, что такое имя самое подходящее, потому что наш «Зверобой» спасает нас во время всех боевых действий. Он будто чувствует опасность или немцев, сразу замирать начинает, фыркает. Горел несколько раз, снаряды ловил и все равно выжил, на ходу, бегаёт, как будто только с завода. Т-34 лучше всяких «пантер» и «тигров» немецких даже по огневой мощи. Наши пушки ничуть не отстают, почти сто снарядов, два выстрела в минуту можно делать! С полутора тысяч метров любую броню у «панцеров» пробивает, а «тигра» с пятисот метров легко прошивает. А ходкость, считай – вездеход! Везде пройдет – по воде, по болоту, по лесу. Немецкие танки встанут там, где наша «тридцатьчетверка» пролетит и еще обстрелять всех успеет.

Руслан с восторгом перечислял достоинства любимой машины, не замечая, что уставший Марк уже тихонько сопит, прислонившись к обшивке вагона. Да он и сам произносил слова все медленнее и медленнее, язык шевелился с трудом.

– И главное ведь в машине – экипаж, бок о бок воюем, братьями все становятся, за которых готов всегда жизнь отдать. Лучшие танки и лучшие танкисты... – последние слова Руслан прошептал в полудреме и тоже уснул рядом с качающейся стеной теплушки.

* * *

– Минька, Минька, да проснись же, Новый год проспий! Давай открывай глаза. – Пребывая в обморочном состоянии, мальчишка, словно сквозь вату, слышал голос сестры, упрямый и звонкий.

Холодные пальчики трясли худое тело через накинутый плед, слабо хватались за тонкие руки. От шустрого крепкого мальчишки за годы блокады остался скелет. Раньше Минька быстрее всех бегал и кидал биток в городках лучше всех детей во дворе. А теперь он даже не мог встать, чтобы помочь пятилетней сестренке разжечь буржуйку. После смерти бабушки мальчик сначала перестал спускаться по лестнице со второго этажа за водой и деревяшками, которые они кололи из мебели пустых соседних квартир, через три дня слабым голосом объяснял из-под сваленных в кучу одеял и курток Софе, как разжечь печурку, водрузить на нее тяжелую кастрюльку со льдом. Потом в оттаявшую воду надо было положить грубый кусок хлебного пайка, чтобы жидкость хоть немного размягчила дубовый твердый слой. Получившуюся горячую тюрю можно было хлебать ложками, растягивая ежедневный хлебный кирпичик на три

приема пищи, как строго учила бабушка. Сегодня бледный и безучастный ко всему, мальчишка лежал с закрытыми глазами на тахте, не реагируя на крики перепуганной Софы.

– Минька, Минька, – тонкий голосок звал его, вытягивал из глухого смертельного обморока, будто тонкая, но крепкая веревка. – Не смей умирать, не смей меня бросать! Сегодня праздник, сегодня Новый год, я знаю! Смотри, – тонкие пальчики сестренки надавили на веки, пытаюсь открыть глаза брату. – Я карандашами нарисовала на стене елку и подарки. И Деду Морозу желание загадала, чтобы Марк всех фашистов победил и нас спас! Минька, ты потерпи, ну, не умирай! Он исполнит желание, чуть-чуть осталось, утром подарок под елкой будет!

– Хорошо, я не умру, – он сам не узнал свой голос, он шелестел еле слышно, будто обрывок бумажных обоев на сквозняке.

– Минька! – Сестренка обрадовалась и подсунула ему к губам ложку с горячим кисловатым варевом из талой воды и пайка. – Вот, глотай! С Новым годом!

Мальчик с трудом проглотил еду, тепло растеклось по всему телу. Он приоткрыл глаза, улыбнулся с трудом и чуть слышно попросил:

– Ты доедай, я наелся.

– Нет, – сестренка всегда отличалась упорством.

Вот и сейчас на губы легло металлическое тепло полной ложки. С бабушкиными интонациями Софа строго приказала:

– Миньке – три ложки, Софе – три ложки. Всем одинаково. Глотай.

Минька покорно проглотил еще две ложки тюри и снова окунулся в забытие, но теперь сон был теплым, наполненным жизнью. Сквозь дремоту он слышал, как скребла ложкой по дну посуды Софа, потом тщательно пальцем собирала остатки праздничного ужина со стенок посуды и, наконец, шумно выдохнула – все съедено до последней капли. После еды девочка долго возилась, пристраиваясь под грудой тряпья поближе к брату, чтобы согреться. Последние деревянные в печке догорят за час, а потом их детская в большой пятикомнатной квартире начнет остывать, наполняясь зимним холодом улицы. От ледяной промозглости не спасают ни одеяла на окнах, ни ворох одежды на тахте, Минька даже не уверен, смогут ли они проснуться утром, или замерзнут насмерть этой ночью. Но сил сопротивляться, искать деревянные среди развалин половины дома, топить буржуйку у детей уже не было. «Сделай так, чтобы мы завтра были живы», – попросил Минька Деда Мороза и заснул с улыбкой на губах. Хоть ему и было уже девять лет и он не особо верил в чудеса, но ведь сегодня начало нового года, вдруг все-таки сбудется его такое крохотное желание – прожить еще один день.

* * *

В жарко натопленной комнате гауптман Карл Дорвельц механически кивал, но слов своих подчиненных не слышал. За сдвинутыми столами в офицерской части казармы его коллеги и подчиненные праздновали Новый год, или Сильвестр, как называл этот праздник отец Карла – сельский священник.

Вокруг столов уже плавал табачный туман, звенели приборы, чувствовался густой резкий аромат шнапса, на тарелках развалилось скудное угощение: мясные консервы, гороховая каша да горстка сухофруктов.

Карл не вмешивался в чужие разговоры, не хвастался трофеями или Железными крестами. На войне он незаметно для себя стал все меньше и меньше говорить. Лишь доклад начальству, приказы обер-лейтенантам, командирам взводов, команды во время боя. Все остальное время он молчал, даже когда его «панцерсолдатен» начинали жаловаться на слишком частые проигрыши в сражении с русской армией, сетовать на плохое снабжение едой и снарядами, на страшный холод в чужой стране.

Промолчал он и сегодня утром, когда офицер СС штурмбаннфюрер Шоллер, давний однокашник еще по военному училищу, повстречав его в гарнизоне, бредущего с завтрака, вдруг прицепился со странной просьбой: поучаствовать в расстреле пленных. Карл с самого начала боевых действий избегал трибуналов и расстрелов, возлагая исполнение казни населения или военных преступников на своих подчиненных, а лучше на айнзатцгруппы, в обязанности которых входило истребление на оккупированных землях представителей неполноценных рас. Война превратилась для него в отметки на карте, черные игрушечные силуэты машин и людей в визоре командирского «тигра». Никакой смерти, криков, крови, только движение крохотных живых фигурок по полю, словно в шахматной партии. Но сегодня Шоллер, будто собака, почуял его страх перед приглашением куда-то и вцепился железной хваткой в рукав шинели.

– Ну же, герр офицер, нельзя отрываться от коллектива. Я старше вас по званию, и вы обязаны подчиниться. Будь же хорошим мальчиком, Карл, что за упрямство, – с хохотом, будто в шутку выкрикивал Шоллер, пока тащил коллегу куда-то к окраине городишки, где располагался военный гарнизон.

Только вот глаза у него были пугающе серьезными, колючими, словно острый кусок стекла. Он смеялся, обещая великолепную шутку, а сам всматривался в напряженное лицо Карла, силился прочесть его скрытые мысли. Гауптман Дорвельц отворачивался, натянуто улыбался, что-то бормотал о срочных делах, но Шоллер был неумолим:

– Эй, ты что, решил поспорить со мной, с офицером СС? Надеешься на нашу детскую дружбу! Думаешь, я не доложу в гестапо о том, что ты уклонист? – От такого вопроса внутри у Дорвельца похолодело.

Государственной тайной полиции боялся любой служащий вермахта, об их жестоких пытках инакомыслящих или противников власти Гитлера ходили легенды. Попасть в застенки гестапо было даже хуже, чем оказаться в плену у русских. Лишение звания, мучительные пытки, а потом расстрел как военного преступника – вот что ждет того, на кого поступил донос в службу Geheime Staatspolizei. И тогда вся его семья, родители и сестры, лишатся денежного офицерского довольствия, что он высылает им исправно каждый месяц, а служащие тайной полиции могут отправить в застенки на пытки за компанию и всю семью Дорвельц. От таких мыслей Карл поплелся на негнущихся ногах за довольным своей добычей Шоллером.

Возле разбитого казенного здания сгрудились перепуганные подростки. В одинаковой одежде, с похожими лицами – широкие скулы, короткий нос, крошечные глазки и безмятежная улыбка толстых губ – дети с синдромом Дауна. Рядом металась пожилая женщина, бросаясь от одного охранника к другому, хватая их за руки:

– Я прошу, прошу, не убивайте нас. Мы же не сделали ничего плохого, эти детишки – они больные, они пациенты неврологического диспансера. Я их воспитатель, я присмотрю за ними, отпустите! Они очень хорошие, смирные, они как малыши, никого не обижают. Отпустите нас, умоляю, не совершайте грех.

– Заткни ее! – раздраженно бросил Шоллер, и, подчиняясь его короткому приказу, автоматная очередь уложила уже мертвую воспитательницу на кучу из битого кирпича.

Перепуганные выстрелами дети завывали, принялись кричать, раскачиваться из стороны в сторону. А Карл остолбенел. Марта! В толпе детей застыла с широко распахнутыми глазами его младшая любимая сестра Марта! Он понимал, что девочка просто похожа на нее: та же россыпь золотых веснушек, раскосые голубые глаза, даже грязный бант в волосах был ее любимого зеленого цвета. Да, все дети с синдромом Дауна сильно похожи из-за болезни, что исказила их лица, но он не мог отвести глаз от девочки. Марта никогда не сердилась даже из-за его самых глупых выходок, она тайком жалела его после выволочек отца и драк с местными мальчишками. Она одна из всей семьи горько рыдала, когда Карл поступил в военное училище и уехал из дома. И она же бежала за машиной, которая увозила его на военные сборы, протягивая в

ладошках жалкие пенсы из своей копилки, наивно полагая, что они помогут ей удержать брата и он не уедет на страшную войну, а останется жить дальше в доме отца. Наивная, чистая и доверчивая Марта, которая рыдала даже над мертвыми мухами, которая любила его больше, чем себя. Он опустил глаза, но никак не мог отогнать мысль, что его сестра Марта стоит в толпе кричащих детей и доверчиво смотрит на окруживших их военных.

– Полюбуйся на этих безумных русских, они пытались спасти даже своих идиотов, вывезти их подальше отсюда. Зачем спасать дураков? Их жизнь дешевле пули для расстрела. Карл, ты видишь это стадо обезьян? Карл?! – Шоллер все-таки поймал в последнюю секунду его отчаянный взгляд в сторону русской девочки.

Офицер СС расхохотался громко и раскатисто:

– Ну и взгляд у тебя, Дорвельц, будто привидение увидел. Давай пусти этой рыжей девке пулю в лоб, они утомили меня своими криками. Чертовы животные! Я хотел позабавиться, заставить их выкопать себе могилу. Но голова трещит от этого обезьяньего визга, просто расстреляем и бросим здесь, – он увидел, что Карл не двигается, даже не достает оружие, и уже зло рывкнул: – В чем проблема, гауптман Дорвельц, вы хотите оставить в живых эту уродку?! Она не просто принадлежит к низшей расе, она... она – животное! Нет, эта тупая девка – насекомое, а не человек! Стреляй немедленно, что ты застыл. Выполняй приказ!

«Марта! Денежное довольствие! Если по деревне пойдет слух о том, что я в гестапо, то отец потеряет приход. Это конец, они умрут от голода! Сестры! Родители! Марта!» – Мысли слились в голове Карла в жуткий хоровод, дрожащая рука с пистолетом стала медленно подниматься вверх. Девочка, интуитивно поняв, что сейчас произойдет, неожиданно бросилась через толпу к своему убийце, схватила его руку и, прижавшись губами к ладони, зашептала:

– Не надо, не убивайте, вы хороший, у вас глаза добрые!

Дорвельц застыл с пистолетом на взводе. Будто удар хлыста, прозвучал окрик:

– Гауптман, чего мы ждем? Мне попросить гестапо вам помочь? Будьте настоящим арийцем, воином. Выполнять приказ!

Карл нажал на спусковой крючок, в последнюю секунду хотел закрыть глаза, но почему-то не смог. Как во сне, он наблюдал за происходящим: девочка откинулась назад, забрызгивая кровавыми каплями грязный снег, забилась в предсмертных судорогах, протягивая к нему руки, и наконец затихла. Круглые раскосые глаза с голубым отливом с удивлением уставились в серое небо.

– Вот это другое дело, показал, что не слабак, Карл! Ты мог бы служить у нас в СС, Карл. Зря ты протираешь штаны в своем танке! – Под одобрительные крики Шоллера гауптман зашагал прочь. В руке дымился «вальтер», который он забыл сунуть в кобуру.

Теперь, во время праздничного вечера, стоило Карлу закрыть глаза, как он видел мертвую Марту с умиротворенным лицом и струйкой крови, стекающей по лбу. Поэтому он сидел на офицерской гулянке, не реагируя на вопросы и шутки захмелевших однополчан, и старался не закрывать глаза даже на секунду, чтобы не видеть убитую им сестру. Но сон накатывал волнами, веки тяжелели и помимо его воли смыкались. Золотые кудри и прикосновение мягких губ к его пальцам: «Нет, Карл, не делай этого! Остановись! Ты же хороший».

От жуткого секундного сна-видения он вскочил с места, бросился прочь, забился в угол безлюдного коридора и засунул в рот сжатый кулак, чтобы не дать вырваться жуткому вою. Перед глазами раскачивалась мертвая Марта, зеленый бант пропитывался кровью, становясь багровым.

– Гауптман Дорвельц! – резкий крик вернул его в реальность. На входе казармы стоял нахмуренный командир полка, оберст-лейтенант Кох. От ярости усы у него вздыбились. – Что происходит, что за сумасшедший дом?!

– Простите, господин оберст-лейтенант, я выпил, я пьян! – в ужасе выкрикнул Дорвельц первое, что пришло в голову.

– У вас два часа, чтобы привести себя в порядок, – взвизгнул Кох. От крика его покачанные плечи и оплывшие женские бедра раскачивались в стороны. – Новый год не повод для солдафонской пьянки. Абвер доставил информацию о прибытии подкрепления русской армии по железной дороге. Люфтваффе готовит артоудар, а потом выступает ваша танковая рота. Двадцати танков вам хватит, чтобы уничтожить остатки русской пехоты после работы наших «юнкеров». Задействуете вашу резервную группу легких танков. Начало операции «Лесной огонь» в восемь утра сразу после рассвета из квадрата В32, там лесной массив с идеальными фортификационными сооружениями. Это отличный шанс нанести по позициям Красной армии сильный удар, перекрыть им путь к усилению своих сил. Если провалите операцию, то пойдете под трибунал, офицер Дорвельц!

– Так точно, господин оберст-лейтенант, есть выполнять приказ! Слава фюреру! – снова выпалил гауптман, чувствуя, как от страха у него по спине течет липкий пот.

– Трибунал, Дорвельц! – напоследок прошипел командир полка.

Когда за командиром захлопнулась дверь, Карл с облегчением вздохнул, прикрыл на секунду глаза и тут же взвизгнул от ужаса – перед ним мелькнула зеленая лента, пропитанная кровью.

Глава 2

Утром, еще не открыв глаза, Алексей Соколов почувствовал ритмичное качание вагона. «Мы едем освобождать Ленинград», – мгновенно вспомнил он, куда направляется состав. Готовится ленинградско-новгородская операция – наступление, которое объединит Ленинградский, Волховский и 2-й Прибалтийский фронты. Задействованы авиация, флот, наземные войска, танковые бригады. Цель у всех одна – разгромить немецкую группу армии «Север» и полностью снять блокаду Ленинграда, в которой уже девятьсот дней умирают от голода и холода миллионы людей. Именно туда направлен первый из десяти «сталинских ударов», именно туда, где советским гражданам приходится тяжелее всего, откуда немцы начнут отступление и побегут за линию «Пантера». Его роте в составе танковой бригады Ленинградского фронта предстоит держать линию обороны от Финского залива до Невы-реки, конечная точка их передислокации – Ораниенбаумский плацдарм, откуда ударные группировки будут наносить точечные удары по группе армий «Север».

Германская наземная группа армий объединила две полевые, одну танковую армию и воздушный флот под командованием немецких генералов. Шестьсот сорок танков, четыреста самолетов, тысяча орудий и почти миллион единиц личного состава летом 1941 года сломили сопротивление Красной армии на границе с Пруссией, заняли Прибалтику, а затем Ленинградскую область. В августе после успешного штурма Шлиссельбурга кольцо вокруг Ленинграда было замкнуто, несмотря на попытки Красной армии прорваться к окруженным жителям города. И сейчас готовится третья попытка пробить брешь в германском кольце на южном побережье Ладожского озера.

Вдруг его размышления прервало плавное торможение, танкисты по фронтовой привычке отреагировали мгновенно. Только что еще весь вагон, кроме дозорных, наслаждался утренней дремотой в серых сумерках, и вот уже бойцы натягивают ватники, сдвигают дверь теплушки, осторожно высматривая вокруг то, что послужило причиной остановки. Они на войне, рядом с линией фронта, где боевая ситуация может измениться в любую минуту. Вдоль состава бежал в распахнутом ватнике мужчина с петлицами майора:

– Остановка, товарищи! На полчаса! Пропускаем санитарный эшелон на разгрузку! Отправление по сигналу локомотива!

Соколов огляделся вокруг – по обе стороны от состава раскинулась заснеженная степь, разрезанная в паре километров от ленты путей узкой полосой черного леса. Солнце еще не встало, лишь на горизонте начала появляться розоватая светлая линия. Состав из вагонов и платформ с танками замер черной полосой посередине заснеженного пространства. Машины были укутаны в белый маскировочный брезент, сливавшийся в предрассветных сумерках с общим пейзажем.

– Командиры взводов, осмотреть танки, очистить маскировку от снега!

По приказу Алексея танкисты бросились к машинам, стали стряхивать влагу и небольшие сугробы из наметенной поземки с натянутого брезента. На платформах застыли в ожидании своего часа десять боевых машин – танки Т-34, легенда Красной армии. Скорость, маневренность, проходимость и надежность – вот главные достоинства фронтовой машины благодаря мощному дизельному движку, наклонным броневым листам толщиной сорок пять миллиметров, мощной пушке 76-мм. В бою машины творили чудеса, не уступая по мощности стрельбы немецким «панцерам», при этом обгоняя их в легкости хода. Поэтому так быстро наладили на нескольких заводах в тылу безостановочный конвейер по их производству. «Тридцатьчетверок» боялся немцы как огня, называя «потрошителем» и «адской машиной». Алексей же смотрел на бронированную технику с любовью и благодарностью, танк стал для его экипажа за годы войны родным домом, товарищем и послушным оружием в боях с фрицами. Да, внутри

танка тесновато: внизу механик-водитель за рычагами управления и радист у пулемета ДТ, а остальные члены экипажа ютятся в башне. Поэтому, нарушая устав, командир роты практически всегда ездил на марш-броске с откинутым люком, чтобы хоть немного выпрямиться во весь рост. Да и во время боя не заdraивал наглухо тяжелую крышку. При попадании снаряда в машину это шанс на спасение для экипажа. А с крепко закрытой крышкой люка от высокой температуры машина за несколько секунд превратится для членов танкового экипажа в адскую печь. Недаром редко кто из танкистов выживает. Смерть от осколков фугаса, от угарного газа при пожаре, от страшных ожогов – вот от чего погибают в охваченной пламенем машине танкисты. Начав свою службу в армии, молодой лейтенант Соколов читал каждый пункт устава, зная наизусть каждое предложение. Только бои с германской армией выработали у командира взвода, а потом и танковой роты, свой устав, написанный кровью бойцов.

Вот и сейчас он нутром почуял невидимую опасность и напрягся. Опытный старшина Логунов тоже вслед за командиром нахмурился и пробормотал под нос:

– Ох, не нравится мне, когда так тихо. Не к добру.

И оказался прав. В одно мгновение воздух наполнился ревом двигателей бомбардировщиков. В воздухе закружились хищные птицы Ju 87 со свастикой на крыльях. Stuka – Sturzkampfflugzeug, «пикирующий боевой самолет». В голове мелькнула мысль: «Нет воя, значит, у нас есть несколько секунд для спасения, пока самолет не пошел в пике!»

– Все от поезда, укрыться в снегу! Уходите от вагонов! – успел выкрикнуть Соколов.

И тут с воем черные силуэты понеслись к земле – немецкие асы люфтваффе вышли на пикирование перед сбросом бомб.

Лейтенант отбежал как можно дальше от вагона и бросился в настил из жесткого снега, стараясь зарыться в его складках, чтобы не стать черной мишенью на белой земле. Сзади ухнул взрыв, от которого заложило уши, спину опалило жаром. Земля с такой силой ударила по телу, что ему показалось, будто весь мир подпрыгнул на несколько метров вверх. Грудь пронзила боль, он закричал, раскрыв рот, но в него набился снег и звук прервался. Сквозь порошу на ресницах он видел, как разлетелся на куски соседний вагон, откуда еще выпрыгивали люди. Взрывная волна разметала тела во все стороны, заваливая сверху горящими обломками обшивки и крыши теплушки. Из стоящих рядом теплушек тоже хлынула толпа, там ехали пехотинцы. В одном белье, без шинелей солдаты вываливались в двери, падая на снег и друг на друга. Взрыв! Черный столб взвился вверх над товарняком, красное воющее пламя накрыло людей. Со страшным грохотом лопались деревянные перекрытия, скрипел и выгибался от жара металлический остов. Со всех сторон неслись предсмертные крики бойцов, погибающих под завалами, изрешеченных осколками бомбы, горящих заживо в эпицентре взрыва. Вой «юнкерсов» прекратился, за облаками мелькнула тень крыльев смертоносных самолетов – они уходили обратно.

Соколов с трудом поднялся на ноги – надо спасти машины, людей! Бомбардировщики могут вернуться и продолжить дальше громить беззащитный состав. Он повернул голову в сторону локомотива – так и есть, немецкий легчик уничтожил бомбой паровоз, и теперь поезд обездвижен, стал легкой целью в голой степи. Лейтенант со всех ног кинулся к платформам, где стояли не тронутые взрывом танки.

– Танкисты, экипажи, по машинам! Заводите технику, срочная эвакуация в соседний лес, в укрытие! Командиры взводов, ко мне! – Соколов сам не узнал свой охрипший низкий голос – от пламени и сажи, плавающей в воздухе, он мгновенно осип.

На команду из сугробов-укрытий к нему начали сбегаться люди, черные от сажи, почти все в одних гимнастерках. Сейчас бы пересчитать личный состав, выявить потери, но времени нет. Взглядом он отыскивал знакомые лица:

– Мехводы, в танки! Бабенко!

– Я здесь! – раздался крик с платформы, Семен Михайлович уже взбирался на командирский танк с номером «007».

– Логунов!

– Тут! – выкрикнул Василий Иванович, который сам напряженно высматривал в толпе закопченных танкистов Колю Бочкина.

Перед взрывом он успел сам сигануть из вагона и за шкуру, как котенка, выбросить Кольку. Потом ударом взрывной волны их разбросало в разные стороны, так что теперь обеспокоенный командир танка крутил головой в поисках пасынка.

– Организуйте эвакуацию раненых в лесок как можно быстрее, – Соколов раздавал команды членам своего экипажа, тем, кого знал и был уверен, что их выполнят. – Омаев!

– Здесь! – бодро откликнулся чеченец, он один из первых бросился к ледяному сугробу во время остановки состава, чтобы умыться пригоршней снега, и поэтому успел избежать последствий артналета.

– Руслан, возьми троих ребят, организуйте огневую точку и попробуйте сбить самолеты, если снова прилетят. Нужно остановить их, чтобы мы могли провести эвакуацию.

– Есть! – Младший сержант выхватил взглядом из скопища знакомое лицо. – Марк Тенкель, новичок! Идешь со мной! Снимай пулемет с танка, я найду винтовку, – сам он бросился к соседнему разбитому вагону с пехотным батальоном.

Среди развалов лежала целая груда оружия, взрывом выбило стенку, возле которой рядовые сложили свои винтовки, и теперь на снегу возвышалась куча трехлинеек. Вдоль уцелевших вагонов бежали люди, пытаясь помочь раненым. Уже из одежды и брезента соорудили носилки, чтобы унести окровавленных людей подальше от состава. Все понимали – счет идет на минуты, в любой момент вражеские самолеты могут вернуться после того, как пополнят израсходованный смертоносный груз, и атака люфтваффе начнется вновь.

Лейтенант Соколов следом за водителем взобрался на платформу, помог откинуть маскировочную ткань и спросил с надеждой в голосе:

– Сможем машину спустить вниз, Семен Михайлович?

Перед тем как нырнуть в люк, Бабенко крикнул:

– Боезапас, личные вещи, все, что можно убрать из танка, надо срочно вытащить! Облегчить вес машины по максимуму.

Соколов развернулся к сгрудившимся в кучку военным, во весь голос выкрикнул приказ:

– Личный состав, строимся в цепочку, по очереди из всех танков вытаскиваем укладки со снарядами!

Работа закипела, танкисты выстроились в ряд и принялись передавать из рук в руки тяжелые снаряды, нервно поглядывая на светлеющее небо. Работа шла споро, один за другим разгружались из Т-34 ящики с боезапасом: девятнадцать бронебойных, пятьдесят три фугаса, пулеметы ДТ, ленты к ним, связки лимонок. Уже через полчаса весь боезапас из каждой машины был аккуратно сложен на снегу. Как только командирская семерка была освобождена от тяжестей, Бабенко завел машину и начал движение по платформе.

– Всем водителям наблюдать за действиями механика-водителя!

Люди, продолжая работать, поглядывали, ожидая, как же опытный водитель съедет на тяжелой машине с высокой платформы. Поворот гусениц на девяносто градусов, плавный рывок, и двадцатисемитонная машина прыгнула вниз с высоты больше метра!

– Механики, по машинам, повторить спуск! – разнесся приказ рядом с вагоном. – Личному составу приготовиться к загрузке боеприпаса!

Соколов выкрикивал приказы, а сам уже кожей чувствовал вибрацию в воздухе, снова гудели двигатели самолетов в небе.

Один танк, второй, третий! Тяжелые Т-34, в точности повторяя маневр Бабенко, спрыгивали с платформы и с гудением отъезжали в сторону. Тотчас же к ним выстраивались цепочки из членов экипажей, чтобы закинуть ящики со снаряжением внутрь. Неопытный водитель

криво выставил гусеницы танка, и при спуске огромная махина с оглушительным лязгом рухнула на бок. Из люка показалось ошарашенное лицо мехвода:

– Я... я... все ведь... – от шока он никак не мог понять, почему случилась авария.

– Экипажи, по машинам, в укрытие! – выкрикнул Алексей и бросился к своему танку. – Все на броню! К деревьям!

Он на ходу вскочил в движущийся танк, натянул шлем, присоединил ТПУ и, прильнув к панораме прибора наблюдения, стал выискивать вражеский самолет. Вот она – черная точка махнула крылом за серой вуалью облака и снова скрылась за ним. Алексей навел прицельную сетку, ухватил из укладки фугас и направил в казенник. Он должен попасть, еще не все танки спущены с платформ, пехота только начала эвакуацию! Лейтенант мысленно прочертил траекторию летящего бомбардировщика по серому полотну.

Прицел, спуск, выстрел!

Снаряд с грохотом вылетел из дула и исчез за облаком. В ту же секунду в небе словно грянул гром. Огненная вспышка, черное кольцо гари, и «юнкерс», накренившись вбок, с надрывным воем развернулся назад. Оставляя за собой черный столб дыма, он прочертил линию в небе и исчез в вышине.

Второй самолет, невидимый за облачной дымкой, кружил над разбитым железнодорожным составом. Судя по нарастающему реву двигателей, он начал подниматься вверх перед пикировкой. Внизу на земле Руслан, шурясь в прицел винтовки, приказал напарнику, который замер рядом с установленным в сугробе пулеметом:

– Давай короткие очереди на звук. Слышишь, где он воет? Вот туда бей! Бей без остановки!

– Он ведь на нас бомбу сбросит сразу! – жалобно выкрикнул парнишка, но послушно навел дуло пулемета на невидимую цель, ориентируясь на звук, и нажал на гашетку.

– Не успеет! – выкрикнул Омаев через стрекот пулемета.

Он навел прицел, ориентируясь на нарастающий гул двигателя, ему нужны бензобаки «штуки» – центральный между кабиной и бомболюком либо расходные баки с топливом, которые расположены в крыльях рядом с мотором и на консолях крыльев. Сейчас перед пике летчик выключит двигатели, и завоюют небольшие винты на стойках шасси, обозначая увеличение скорости самолета. Бить в двигатели нет смысла, самолет уже не остановить, а вот прямое попадание в бензобак вызовет взрыв и пламя, которое перекинется на закрепленные на раме бомбы. «Юнкерс» завыл прямо над головой, среагировав на приманку из пулеметных выстрелов.

– Беги в укрытие! – выкрикнул парнишке Руслан, но тот, оглушенный воем, палил и палил из пулемета в воздух, задрал дуло ДТ почти вертикально.

Омаев навел прицел, прикидывая на память размеры самолета: «Вот здесь фюзеляж, чуть правее опорная рама и основа крыла». Выстрел! Вспышка в небе и грохот взрыва. Руслан отбросил ружье, изо всех сил отпрыгнул в сторону, вцепившись руками в шинель молодого танкиста, и рухнул с ним вместе на гравий насыпи у вагона. С оглушающим шумом ударило рядом, земля подпрыгнула, взлетела фонтаном из снега и камней, смешалась в ком, захватив в него вцепившихся друг в друга танкистов. Омаев успел сделать вдох, и тут же его больно ударило о землю, потянуло вбок и завалило острыми мелкими камешками.

Движение воздуха от ударной волны прекратилось. Он сжал пальцы и почувствовал в ответ такое же слабое движение – Марк жив. Тяжело откашливаясь, парни попытались сдвинуться с места. Но ничего не получалось, в темноте им никак не удавалось разглядеть, куда их отнесло силой взрыва. Вдруг заскрежетал металл, и черная смрадная стена сдвинулась вбок, показалось лицо Логунова:

– Руслан! Живой! Ранен?

– Вроде нет, потрянуло сильно, – просипел младший сержант сквозь песок и камни, набившиеся в рот.

В голове шумело, в глазах все плыло и двоилось. Чьи-то руки бережно подхватили парней. Будто через толщу воды доносился голос Бочкина:

– Руслан, ты «штуку» из ружья сбил! Он в ста метрах от вас упал, и вас откинуло под вагон, засыпало обломками. Надо быстрее уходить, пока новые «юнкерсы» не прилетели.

– Не будет их больше, – авторитетно заявил Логунов. – Закончили атаку, двух сбили – побоятся сунуться. И уже светает. При дневном свете ПВО быстро их засечет во время полета. Так что сейчас они не полезут через линию фронта.

– И что теперь, что дальше? – взволнованным голосом спросил Колька. – Сами будем добираться? А раненые? А танк опрокинутый?

– Не части, сейчас командир все решит, – остановил поток вопросов парня Василий Иванович.

Они помогли Марку и Руслану добраться до лесного пятачка, где находилась импровизированная стоянка для уцелевших во время бомбежки машин. Здесь между деревьями гудели двигатели девяти «тридцатьчетверок», взводные проводили переключку личного состава, а командир танковой роты Соколов совещался с бледным перевязанным капитаном, командиром мотострелковой части:

– Мы доложили по рации в штаб о налете, пока железная дорога для нас закрыта. Бомбардировщики разгромили эшелон с ранеными на самой станции. Приказ – добираться самостоятельно. Раненых и убитых из вашего отделения примут на станции, отсюда сейчас направили машины для эвакуации. У вас остался целый транспорт? Сколько пострадавших, посчитали?

Раненый капитан в отчаянии закрутил головой:

– От всего подразделения осталось человек сто, что сами ходить могут. Остальные – убитые и тяжело раненные. Точно не скажу, люди под завалами живые еще. Снаряд попал в платформу с техникой, надо разгрести, проверить. Не знаю я потерь.

Лейтенант с сочувствием смотрел на растерянного капитана:

– Ремонтники уже едут, у нас танк завален. Я оставлю один танк, чтобы поднять его тросами. Остальные машины танковой роты уходят на марш к командному пункту в поселке Гладкое. Это приказ штаба.

Кое-как перевязанный, с сочащейся через повязку тяжелой раной плеча, капитан кивал в такт словам Соколова, а сам с отчаянием в глазах смотрел на выжженную полосу вдоль железной дороги. Там умирали в муках его бойцы, и он был не в силах им помочь, оставалось лишь с яростью смотреть в серое небо, откуда так неожиданно налетела смерть. Словно очнувшись и поняв, что танкисты уходят дальше по дороге через поле, командир стрелков здоровой левой рукой перехватил ладонь Соколова и крепко тряхнул в знак благодарности:

– Спасибо, ребята! Если бы не вы, то сейчас бы тут ни одного живого бойца не осталось! Как сами, много своих потеряли?

Логунов, стоявший сбоку от капитана, вздохнул в ответ на вопрос и сказал:

– Трое погибли, еще двоих, наверное, в вагоне завалило, найти не можем. Остальных – на перевязку и вперед.

Раненые танкисты перевязывали друг друга средствами из походных аптечек, ожидая приказа в путь. Бабенко по очереди осматривал днище и ходовку машин роты, выискивая трещины или повреждения, что могли появиться от резкого спуска с платформы.

Через сорок минут после налета колонна была готова к маршу: «тридцатьчетверки» выстроились в линию по две машины, выставив караул по бокам; в голове – экипаж командира, за ними – танк командира первого взвода, машина же командира второго взвода замыкала колонну. По внешней связи через ТПУ ротный командир Соколов отдавал приказы о построении маршрута и принимал доклады о потерях.

– Направление на юг, вдоль железных путей идем по лесной дороге, через десять километров – поворот к станции, и оттуда выходим на шоссе А120 в направлении поселка Гладкое.

Наблюдающие танковые отделения – «ноль двадцать три» под командованием Храпова и экипаж «четыре ста один» старшины Буренкова. Взводные, доложите о потерях.

Эфир отозвался звонким голосом Буренкова, молодого и бойкого мужчины:

– Во взводе три экипажа. «Четырехсотый», командир танкового отделения Тенкель, погиб радист, и еще один танк, «четыре ста два», – там тоже некомплект, остался на железке раненый водитель, сейчас его замещает командир Хасанов. В третьем взводе погиб командир. Одна машина опрокинута, ее экипаж был распределен по другим танкам. И еще «четыре ста три» остался на железке вытаскивать перевертыш, там только водитель живой, остальные погибли. «Четыре ста пятый», командир Назимов идет за мной.

– Берете третий взвод под свое командование. Храпов, что у вас с экипажами, есть некомплектованные?

С шипением и треском в эфире раздался голос второго взводного:

– В двадцатке радист пропал, не нашли среди раненых. Наверное, завалило в вагоне при взрыве.

Он продолжал еще что-то говорить, но в эфир ворвался крик наблюдателя:

– «Тигры»!

Рота советских танков прошла вдоль полосы из деревьев параллельно железнодорожному полотну. Теперь заросли поредели, обнажив широкое поле, которое разделяло лесную и железную дороги. На той стороне дороги начинался лес – нейтральная полоса между советской территорией и оккупированной немцами землей. Оттуда сейчас огромная лента из бронированных «тигров» стремительно двигалась к месту бомбежки, чтобы раздавить остатки мотострелковой дивизии и всей группой ослабить советские позиции.

«Это продуманная операция, – догадался Соколов. – Сначала налет на состав, а потом вторая неожиданная атака, чтобы добить всех живых с помощью танковой мощи и разбить подчистую все подкрепление на подходе к станции».

Бочкин, прижавшийся к смотровой щели до боли в скулах, не сдержался и выругался:

– Черт возьми, их в два раза больше нас!

Колонна немецких танков действительно вытянулась вдоль всего лесного участка длинной серой лентой, отсвечивая белыми крестами на бортах. Четырнадцать тяжелых Panzerkampfwagen VI, пять легких машин Pz.Kpfw. II из группы резерва. Фырча, они уверенно двигались в сторону разгромленного состава, не замечая, что с тыла к ним из-за массива деревьев вышли советские «тридцатьчетверки».

«Их вдвое больше, целая рота. У немцев по численности и по технике рота в два раза больше, чем наша. А с учетом наших потерь, то в три. Только неожиданность сейчас нам на руку», – мысли защелкали, словно выстрелы, в голове у командира. У него за годы войны вошло в привычку при создавшейся опасной ситуации подавлять страх или удивление и мгновенно выстраивать тактику боя. Именно продуманные маневры делали его танковую роту неуязвимой для противников. За доли секунды он решил, как действовать. Плотнее прижал ларингофон к шее и приказал:

– Первый взвод, внимание! Возвращаетесь обратно, обходите массив и с фланга атакуете головные машины, бить в борта с близкого расстояния!

– Есть! – коротко ответил Буренков, и его танки дружно покатались за командиром обратно по колее.

– Храпов, со своим взводом – в боевую линию и открываете огонь по фланговым машинам. У них в резерве легкие «двойки», их с восьмисот метров пробьете бронебойным. Назад не сдавать, маневрируйте! Ваша цель – уничтожить резервный взвод из легких германских танков.

Соколов переключился на внутреннюю частоту танка:

– Бабенко, давай в лесок между деревьев, там просветы большие пройдем. С правого фланга откроем огонь, пока «двойки» будут идти на Храпова.

Семерка с гудением рванула по плотному снегу к черным обледенелым деревьям, от ее напористого движения во все стороны полетели сучки. Сержант Бабенко опасливо сбавил скорость, прислушиваясь к звуку двигателя – не напоролся ли танк на поросль, но все было в порядке.

– Короткая, Василий, прицел, ориентир – танк по левому флангу, – приказал Соколов. – Это офицерский танк должен быть, бей по нему. Потом рядом с ним, нужно их фюрергруппу уничтожить. Фашисты нас уже заметили.

Башнер Логунов уже крутил ручки наводки пушечного дула:

– Заряжающий, бронбойный!

Бочкин с металлическим лязгом уложил снаряд в казенник. Выстрел! Попадание! Бронбойный проделал дыру в борту тяжелого «тигра», отчего тот закрутился на месте, задержалась башня в поисках цели. Но «Зверобоя» скрывали деревья, а наступающие «тридцатьчетверки» Храпова перекрывали легкие немецкие танки. Советские машины были совсем близко, но ответить огнем у немцев не получалось. Резервная группа германской роты развернулась и бросилась в атаку, решив, что это Т-34 перед ними открыли огонь. Легкие «двойки» стремительно переваливались через снежные валы. Вот машины замерли, готовясь к залпам.

– Уходи, Храпов, маневр вправо! – отдал Соколов приказ.

Через две секунды дула германских машин выплюнули огненные залпы, но снаряды прошли мимо. Один из них по касательной с грохотом задел выворачивающий гусеницы вправо танк командира взвода. Удар высек сноп искр, чиркнул по броне и ушел в сторону.

– Семнадцатый, двадцатка, огонь! Открывайте огонь по целям!

«Тридцатьчетверки» замедлили движение, резко развернули башни для наводки и, не дав противнику времени понять их маневр, сделали каждый по бронбойному выстрелу. Залп и попадание прямо в лобовую броню германского танка! Черный дым заволок густой пеленой дорогу, перекрывая видимость для взвода Храпова.

Из-за дымовой завесы танкистам не было видно цели, но командир роты выкрикивал команды, называя градусы и расчеты, чтобы те могли наводить орудия и стрелять по замершим немецким машинам:

– Они встали, одна машина подбита. Еще, бейте еще. Ориентир на десять, двадцатка, ставь прицел на верхушку холма, чуть ниже на двадцать градусов, снесешь танку башню!

Залп! Еще выстрел! Вторая «двойка» дернулась от прямого попадания, соседний танк беспомощно крутил башней, выискивая противника.

– Еще бей, рядом, правее восемнадцать градусов по горизонту, двадцать третий! Огонь! – выкрикивал без остановки Соколов ориентиры.

Храпов срезал снарядом, будто ножом, дуло и часть башни противника. От высеченных искр задымилась проводка, и за ней огонь побежал по трубам в бензобак. Бронированная машина вспыхнула факелом, столб пламени взвился ввысь, охватывая танк. С криками из люка вывалился танкист в комбинезоне, но обвис на горящем ободке, подбитый меткой пулеметной очередью Омаева. Тот, сжав зубы, крутил пулемет, высматривая любого фашиста, кто попробует покинуть горящие танки.

Тем временем тяжелые «тигры» начали обходить перекрывшие дорогу «двойки», чтобы ударить во взвод «тридцатьчетверок» слева.

– Храпов, уходи! Слева «тигры» сейчас выйдут, по полю в твою сторону идут! Отходи назад! – крикнул ротный, заметив в перископ их маневр.

Пока массивные многотонные «панцеры» ползли по полю, выискивая в черном тумане противника, семерка выскочила из-под своей лесной защиты и открыла огонь по боковым бортам – самым слабым местам в броне «тигров».

– Огонь!

Последовал залп, и бензобак взорвался! Логунов отправил фугас прямым в запасные топливные баки, расположенные на корме бронированной громадины. Перед башней вражеского танка взметнулось пламя, люк распахнулся, из него выскочил танкист в офицерской шинели. Он ловко спрыгнул с борта движущейся машины и бросился наутек. Следом за командиром из машины начал спасаться экипаж, но Логунов выкрикнул:

– Фугас! – И пробил новым выстрелом башню, завалив смертельными огненными осколками дергающиеся тела в черных комбинезонах.

– Еще броневой! Огонь! – орал во все горло Соколов в эфир.

Перед ними на зелени триплекса металась по белому полю еще три тяжелых танка. Они разворачивались для огневой атаки, но советские танки взяли их, словно в клещи, своими выстрелами. Справа без остановки палила пушка машины Соколова, а слева врага теснили танки из взвода Храпова.

Огонь! Попадание! Взрыв! Выстрел, прямое попадание в башню и крики умирающих немцев! Следующий снаряд попал в гусеницу Panzerkampfwagen VI, отчего она лопнула и осела мертвой лентой на снегу. Под танком растекалась темная масляная лужа. Омаев направил на нее ствол пулемета и дал очередь. От пуль занялось пламя и стало подниматься все выше и выше по струе льющагося с днища масла из двигателя.

– Поджарься в своем танке, сволочь! – выкрикнул чеченец и снова прижался к щели визора, наводя прицел на бегущие через поле силуэты немецких танкистов.

Очередь! Один за другим они упали в снег. Крайний попытался встать, шатаясь, сделал несколько шагов, но новая очередь из пулемета уложила его в сугроб.

– Семерка, по левому флангу! – в шлемофоне зазвенел голос Храпова.

Он добивал «двойки» выстрелами, когда заметил, что по колее несется на помощь своим разбитым собратьям новая партия «тигров». Оставшаяся часть немецкой колонны в десяток танков развернулась и теперь перла на четыре «тридцатьчетверки», у которых не было шансов выдержать такой неравный бой. Они уже расстреляли почти половину боеприпаса, а на голом поле было совершенно негде укрыться.

Советские машины мужественно развернулись прямо в лоб нападающим «панцерам». Даже опытный экипаж Соколова содрогнулся на своих местах. Такое невыносимо тяжелое ощущение, когда на тебя в лобовую атаку идут тяжеловесы с огромной пятиметровой пушкой 8,8-см KwK-36. Она пробивает любую броню, и достаточно четырех метких выстрелов, чтобы подавить атаку русских танков.

Выстрелы! В тыл, по корме нескольких «тигров» ударили снаряды. Взвод Буренкова обошел лесную полосу и открыл огонь. Остановился «панцер», из отверстия под башней повалил густой едкий дым, мелькнули языки пламени. Воспользовавшись заминкой, Соколов командовал:

– По флангам немцев огонь!

Четыре пушки дали залп. Крайний «тигр» задрожал, дернулся от удара, но упорно продолжал двигаться вперед. Из распахнувшегося люка взвились багровые лепестки пламени, внутри закричали танкисты, горя живо, не в силах выбраться наружу. Но машина продолжала двигаться вперед, дергаясь и рыча, словно раненый зверь.

– Уходим, Храпов! В укрытие, к лесу!

Маневренные Т-34 развернулись и исчезли в черной полосе чада, что стоял до сих пор над разбитыми танками группы немецкого резерва. Вслед понеслись выстрелы из пушек противника, но стреляли не прицельно, и снаряды со звоном царапали броню, оставляя широкие полосы на металлическом корпусе. Внутри на разгоряченных танкистов сыпалась окалина со стен машины, они с короткими ругательствами сбрасывали с себя горячие кусочки металла, но продолжали каждый заниматься положенным ему в бою делом, и танки упорно двигались к укрытию из деревьев.

– Буренков, из всех орудий огонь! Они почти уже сдались, добивай, не давай им передохнуть! – выкрикнул в азарте боя Соколов. – Мы уходим с линии огня, бей по башням! Прикрывай!

– Есть! – откликнулся взводный и тут же передал своим командирам танковых отделений приказ: – Давай, ребята, поджаривай фрицев со всех сторон!

Снаряды летели сплошной полыхающей стеной, не давая ни одной машине немецкой роты уйти с линии обстрела. Германские танкисты хаотично жали на рычаги, даже не отстреливаясь. Машины металась по пятаку, пытаясь спастись из огненного ада. Над дымящимся люком взметнулась белая тряпица, и следом показался офицер. Он стянул второй рукой фуражку, размахивая ею, прося пощады.

– Отставить стрельбу, белый флаг! – Алексей остановил сражение и с радостью объявил своим танкистам об окончании боя. – Победа!

– Ура! Ура! Ура! – гремели в эфире крики всех экипажей.

Советские танкисты выпрыгивали из своих машин, обнимались, кричали от радости, что они вышли без потерь из страшного боя, в котором на стороне противника был большой перевес сил. Танкисты в немецкой форме, наоборот, робко и неуверенно спускались из своих машин, испуганно озирались по сторонам, пугаясь громких криков.

Омаева кто-то тронул за рукав. Марк, с мокрыми кудрями, размазанной сажой по безбородому лицу, тяжело дышащий от волнения, кивнул в сторону кучки врагов:

– Что теперь с ними будет? Расстрел?

– Нет, в плен и на командный пункт. Вон тот, видишь? – Руслан указал на сутулого высокого веснушчатого мужчину. – Офицер, командир экипажей всех этих танков. Он может быть полезен, сейчас наш лейтенант с ним поговорит, узнает, как они оказались здесь, на нашей территории.

– Я тоже знаю, я понимаю немецкий! – заволновался Марк, он подошел почти вплотную к немецкому офицеру и уставился тому прямо в глаза.

Губы у парнишки прыгали от возмущения, он впервые вот так лицом к лицу стоял с фашистом, со своим врагом, что вместе с другими служащими армии Гитлера жестоко расправился со всей его многочисленной родней.

– Я – еврей! Слышишь? Юде! Их бин юде! – По лицу Марка потекли слезы. – Ну что ты сделаешь? Убьешь меня, да? Как моих родных? Фердамт!

Раздался хлесткий звук удара, и на небритой щеке Карла Дорвельца отпечатался след от пощечины Марка.

– Понял? Ферштейн? Я проклинаю тебя! Проклинаю! Ненавижу тебя! Сдохни, сдохни, как собака, ты животное, ты... зверь!

Омаев жестко обхватил за плечи разволновавшегося парня и оттащил его в сторону:

– Тише, тише! – Он уводил Тенкеля все дальше от удивленных взглядов танкистов и испуганных пленных.

Навстречу шагал Соколов, выкрикивая приказ на немецком:

– Оружие на землю! Руки за спину! Вы арестованы бойцами Красной армии! Вы – военнопленные армии Советского Союза, вам гарантирован военный суд и право на жизнь!

В ста метрах от них за чадящим едкой гарью немецким «тигром» Марк глухо разрыдался, не в силах остановиться, от выплескивающейся из него ненависти:

– Я должен был убить его, отомстить за моих родных. И я не смог, я не смог, я тряпка, Руслан! Они же звери! Они убили всех! Я должен был! Я!..

– Тише, тише, на вот, хлебни, – Руслан с мягким нажимом влил в рот рыдающего парнишки спирт из своей фляжки.

Пока тот откашливался и утирался рукавом, похлопал его по спине:

– Ты сегодня подбил немецкие танки, там сгорели фашисты, так что сражаться ты умеешь. Только это твоих родных из могилы не подняло, так что зверем становиться ни к чему, оставайся всегда человеком. Бойцом, воином, танкистом и прежде всего человеком. Мы не звери, мы просто так не убиваем, только когда защищаем себя или своих близких, родину! Понял?

Марк утер полоски слез со щек и твердо сказал:

– Понял, я всегда останусь человеком.

* * *

Тем временем дрожащий Дорвельц, косясь на своих бывших подчиненных «панцерсолдатен», торопливо объяснял советскому офицеру:

– Я не хотел, поверьте, я не хотел нападать на беззащитных людей. Я офицер, а не убийца. Но меня заставили, понимаете, приказали участвовать в операции «Лесной огонь». После воздушной атаки мы должны были уничтожить остатки советской пехоты и уйти по лесной просеке на свою территорию. Если бы я не выполнил приказ, то попал бы в гестапо. Вы знаете, что такое гестапо, господин офицер? Мы не ожидали увидеть здесь русские танки и тем более не ожидали, что вы так стремительно атакуете нас с трех сторон.

Карл всматривался в лицо советского военного, командира танкистов – такой спокойный глубокий взгляд, правильные черты лица, совсем молодой, нет даже и тридцати лет, только на лбу между бровей прорезалась очень глубокая морщина, и взгляд слишком печальный для такого возраста. Может быть, он услышит и поймет его просьбу?

– Господин офицер, мы сейчас в квадрате В32, если танковая рота не вернется через час, то нас сочтут погибшими. И я буду рад этому. Я больше не хочу служить вермахту, не хочу быть винтиком в военной машине Гитлера. Я предлагаю сделку Красной армии.

– Слушаю, – морщина на лбу молодого лейтенанта стала еще глубже.

– Я готов сотрудничать с вами, любая информация, любая услуга. Я знаю расположение войск танкового гарнизона, количество единиц техники, где стоят пункты наблюдений. Я все готов рассказать. С единственным условием...

– Каким? – Соколову никогда не нравилось общаться с пленными офицерами.

Немецкие высшие чины, оказавшись у русских, готовы были на что угодно за лишний кусок хлеба. Они предлагали расстрелять своих солдат лично, вываливали из карманов награбленные трофеи, рыдали и целовали грязные сапоги советских бойцов, лишь бы сохранить себе жизнь или получить продовольственный паек. Но не этот сухопарый бледный командир танковой роты. Мужчина уставился на лейтенанта серыми глазами и попросил:

– Обещайте, что убьете меня после того, как я стану вам не нужен.

От неожиданности Соколов не нашелся, что ответить. При виде его удивленного лица гауптман Дорвельц пояснил:

– Я не смогу покончить с собой, уже думал об этом. Но жизни я недостоин, слишком много совершил плохих поступков. Я жил не так, как положено жить честному, порядочному гражданину. И еще, господин офицер, разрешите передать прощальное письмо для моих родных. Если вы его отправите по указанному адресу, я умру счастливым. Никаких тайных сведений, я просто скажу то, что давно должен был сказать своим родным. Я прошу вас как офицер офицера.

– Я подумаю, не могу вам ничего обещать, – пожал плечами Соколов. – Какие-либо решения относительно военнопленных принимаю не я, вы будете переданы с остальными служащими в командный пункт Красной армии.

Дорвельц кивнул, не своя с советского офицера пронзительного взгляда серых глаз, покрытых густой сеткой из красных прожилок от усталости и недосыпа, что мучил его вот уже сутки.

* * *

В Ленинграде Софа считала ступеньки – осталось совсем немного, три из тридцати. До тридцати ее научила считать бабушка, когда они вдвоем тащили в ведерке лед с улицы в квартиру, чтобы вскипятить воду на буржуйке. «Так легче подниматься, ты и не заметишь, как окажешься наверху», – говорила задыхающаяся от тяжелого подъема бабушка и была права. Пока считаешь, не так сильно чувствуется боль в пальцах, держащих ледяную дужку ведра, не так доносится противная дрожь в коленках и даже про вечный сосущий голод в животе забываешь.

Но ослабленные ноги все-таки ее подвели, когда она перешагнула порог в темный коридор. Правый ботинок зацепился за левый, нога неловко скользнула, и Софа плашмя грохнулась, уронив тяжелое ведро так, что куски льда разлетелись по грязному полу. От боли в ноге и ужасной обиды, что снова придется тратить последние силы, идти за новой порцией снега на улицу, девочка разрыдалась в голос и тут же счастливо расхохоталась.

Ведром она зацепила игрушечную коляску, в которой еще три года назад катала своих кукол, пока в ее мире царила счастливая жизнь без войны, были живы родители и бабушка. Игрушка опрокинулась на бок, а из-под маленького матрасика вывалилась куча засохших объедков, из которых когда-то маленькая Софа хотела устроить обед понарошку для своих куколок. Сейчас это было настоящее богатство, королевский обед для нее и для Миньки – ссохшиеся каменные огрызки яблок, кусочки пряников, старые сушки и парочка леденцов.

– Минька, Минька, мне Дед Мороз принес подарок! – Девочка бережно сложила в подол платья еду и мелкими аккуратными шажками пробежала в комнату.

Сунула брату в рот половинку старой сушки, а сама с наслаждением засунула другую половинку в рот и принялась сосать ее, твердую, как камень, но такую вкусную! От ощущения хлебных крошек на губах и языке, от нежного аромата ванили и сладковатого привкуса Минька открыл глаза и улыбнулся – он жив, и у него исполнилось новогоднее желание. Впереди еще целый день жизни!

Глава 3

Из приемника сквозь гул и помехи наконец донесся голос радиста:

– Прием! Девятый, прием! Приказ командира выйти к шоссе в квадрат С12, передать пленных в спецэшелон. Кроме командира танковой группы. Немецкого офицера доставить в командный пункт в поселке Гладкое. Как понял меня, прием?

– Прием, Девятый приказ принял! Выполняю! – отрапортовал Руслан, покрутил настройки радиации, вслушался в шипение, не будет ли нового послания.

Но по сухим щелчкам стало ясно – сеанс связи окончен, надо выполнять приказ. Рядом на поваленном дереве сидел ротный, Алексей Соколов, который уже изучал карту местности, чтобы выбрать самый удобный путь к шоссе от поля боя, где они одолели германскую роту тяжелых «панцеров».

Алексей внимательно рассматривал каждый участок. «Лесная дорога слишком опасна. Что, если немцы решат выслать подкрепление танковой роте или группу абвера, чтобы узнать, почему соединение не вернулось в расположение гарнизона? Лучше они сделают пускай более длинный, но при этом более безопасный марш-бросок по рокадной дороге, которая расположена на советской территории. Сюда днем немцы не сунутся так нагло, как попытались сегодня атаковать разбитый состав. Они не ожидали встретить группу танков, воздушная разведка вермахта не заметила танки на платформах поезда. Это должно было стать для роты Дорвельца победным шествием по останкам разбитой пехоты, а превратилось в разгром, устроенный советскими танками».

Теперь пленный офицер сидел на броне командирской «тридцатьчетверки» отдельно от своих подчиненных, понурый и обмякший. Ему даже не стали связывать руки за спиной, как всем остальным военнопленным. По одному взгляду на гауптмана было ясно – он совсем пал духом после своего поражения.

– По машинам! – Маршрут для роты на карте проложен.

Танкисты начали ловко подниматься наверх, по очереди запрыгивая в люки. Пленных «панцерсолдатен» распределили по несколько человек на корме Т-34, предварительно притянув всех одной веревкой к десантным скобам. Немцы искоса посматривали на сосредоточенных танкистов, все еще опасаясь, что их могут расстрелять. Но советские военнослужащие уже не замечали их, они выстраивались в колонну, распределяя наблюдателей по секторам. Правый фланг, левый, головная машина, замыкающий танк – даже во время движения по дороге нельзя терять бдительность, в паре километров отсюда начинается линия фронта. Эту зыбкую границу легко нарушить, там нет часовых или огады, лишь условная полоса, которая каждый день сдвигается вследствие отчаянных боев все ближе к осажденному городу.

Цепочка из танков вытянулась по дороге, Соколов поставил свою машину ближе к середине. Сейчас ему нужен перерыв, чтобы сосредоточиться и обдумать дальнейшие действия. Дорога, по его расчетам, займет примерно два часа, по асфальту Т-34 могут развивать скорость до семидесяти километров в час. Но с учетом огромных выбоин и воронок после артолетов ползти колонна будет не больше пятидесяти километров в час. Стоит воспользоваться этим временным затишьем для небольшой тренировки. Неопытных водителей, которых прислали сразу после танковой школы на территорию военных действий в боевую группу танков, таких как тот, что уронил танк с платформы, ругать за ошибки смысла нет. Не каждый вчерашний тракторист или водитель грузовика за несколько десятков учебных часов на полигоне освоит искусство управления танком. Это Соколову повезло с Бабенко, который всю свою жизнь проработал инженером-испытателем на Харьковском танкостроительном заводе и поэтому чувствует «тридцатьчетверку» нутром. По звуку двигателя может определить проблему в ходовке. И в починке машины для Бабенко нет ограничений, мелкий ремонт он со своим походным

чемоданчиком осуществляет за пару часов. А для более серьезных поломок есть подвижная ремонтно-восстановительная рота с тракторами «Ворошиловец», токарными станками, сварочными аппаратами, генератором для зарядки аккумуляторов.

Да и водитель из сержанта – настоящий ас, который с закрытыми глазами ювелирно выводит массивную махину по любой распутице, ловко управляется с тяжелыми рычагами, хоть для этого нужны немалые силы. Вот и сейчас даст новичкам урок вождения Т-34, поделится бесценным фронтовым опытом.

– Рота, короткая!

По приказу командира танки замедлили движение и сделали остановку.

– Храпов, давай в мой танк мехвода из «четырёхсотого», будет отрабатывать вождение. Логунов, примите управление машиной четырёста на время марша.

После замены советские танки зафыркали и, пуская клубы дыма, покатались дальше по пустынной дороге, что тянулась между шоссе и железнодорожной станцией. Взъерошенный худенький парнишка Савелий Хвалов, пристроившись рядом с Семеном, замороженно слушал его объяснения. Старшина Василий Логунов загудел размеренно басом в чужом танке, поучая новобранцев. Соколов же переместился на борт семерки подышать свежим воздухом, слишком много людей в тесном пространстве. Танк хоть и с увеличенной башней, но внутри при закрытом люке всегда приходится находиться в полусогнутом положении, тесно прижавшись к боку боевого товарища. Поэтому вопреки всем запретам на марше Соколов всегда старался ехать, высунувшись по пояс из открытого люка. Подняв воротник ватника, он присмотрелся к пленному офицеру. Гауптман Дорвельц скукожился на броне, пытаясь укрыть свое худое длинное тело от мороза и колючего ветра.

– Вы можете укрыться брезентом, его не продувает, – предложил ему Алексей на немецком.

Язык он учил в школе, да не просто на уроках обрусевшей немки, а еще оттачивал произношение и словарный запас с ее внуком Максом, которого вместе со всей семьей она перевезла в Куйбышев, спасаясь от растущего в Германии движения нацистов. Один день говорим на русском, второй день общаемся на немецком – такая договоренность была между мальчишками в их ежедневных играх. В танковой школе к бытовому запасу прибавились военные термины, так что теперь Алексей мог легко заменить военного переводчика по уровню владения языком врага.

– Спасибо, – Дорвельц кивнул и принялся неловко закутываться в огромный кусок брезента, который экипаж использовал, чтобы укрывать танк от дождя и снега во время стоянок.

Он бросил осторожный взгляд на русского офицера, тот не отпускал скабрзные шуточки, не вел себя высокомерно, как обычно делали офицерские чины в немецком штабе. Сосредоточенно наблюдал за колонной и обстановкой вокруг.

– Вы ведь не верите в бога в Советском Союзе? – вдруг робко спросил пленный Алексей.

У Алексея не было желания вести дискуссии с арестантом, который только час назад направлял орудия своих танков в боевые машины его ребят.

– Я верю в человека, – ответил он сухо и отвернулся к планшету с картой.

– А я католик, мой отец – священник в сельской церкви. Даже не знаю, как вышло, что его сын стал убийцей. Он учил меня всегда совсем другому... – Карла все сильнее грызло жуткое ощущение вины. – Хотя он был рад, что меня взяли в военное училище, ведь там платили хорошую стипендию, досыта кормили. А мы всегда жили бедно, церковный приход очень скромный, с трудом кормил столько ртов – шестерых детей, родителей, больного дедушку.

Соколов по-прежнему сидел к нему спиной, но для Карла это было сейчас не так уж важно. Он был уверен, что русский командир его слышит. Так даже легче исповедоваться, не видя его лица, будто в тайной комнате священника, где перед черным квадратом стены из ткани можно выложить все, что скопилось на душе за долгие годы службы в армии вермахта.

– Я ведь не хотел быть солдатом, отец готовил меня занять его место священника в сельской церкви, хотел передать приход своему единственному наследнику. Но в нашу школу пришли вербовщики, они были так восхищены моими мускулами. Щупали, крутили, даже зубы проверили, словно у лошади на продажу. И предложили родителям триста рейхсмарок за то, что они подадут мои документы в военное училище. Во время учебы я из года в год тосковал по дому, не радовала даже сытная еда в столовой, а скучные учения на плацу наводили зевоту. Правда, отец всегда учил меня делать любую работу хорошо, поэтому я старался и был на хорошем счету, даже не задумываясь, что будет потом, после того, как моя учеба в военном училище окончится. Я помогал своей семье, отдавал стипендию, приезжал к ней на каникулы и был счастлив долгие годы, но тогда даже не знал об этом. Я ведь никогда не думал о том, что такое война, кто и для чего ее начинает, как она выглядит. Для чего нас обучают, муштруют. Годы армейской службы приучили меня исполнять приказы, не задумываясь, для чего они отдаются. Из меня вышла бы отличная штабная крыса – бухгалтер или даже военный инженер, я с детства обожаю математику и черчение. Но эти места для тех, кто рожден в богатой семье или умеет лизать задницу начальству. Я слишком прост и бесхитроуен для спокойной должности, хотя служить в танковых войсках мне понравилось. Никаких бесконечных маршей на плацу, упражнений с автоматами или многокилометровых забегов. Элитные войска. Размеренная, спокойная жизнь по расписанию. Я ждал, что и на войне все будет так же, и не понимал, почему так отчаянно рыдает моя сестра Марта, почему она так противится моей отправке на фронт. Ведь тем, кого отправили на завоевание Советского Союза, платили повышенное жалованье, и на мое офицерское содержание отец даже смог наконец отремонтировать наш дом. А Марта... я думал, она просто глупышка, верит своим ночным кошмарам. Перед моим отъездом она разбудила меня, целовала руки, ее слезы текли у меня по ладоням. Бедная сестренка умоляла меня остаться дома, потому что ей приснился плохой сон, в котором я лежал мертвый на белом снегу. Она видела этот сон каждую ночь, а после так плакала и кричала, что родители были вынуждены сдать Марту в клинику для душевнобольных.

Если бы я знал тогда, что господь шлет мне знаки через сестру, призывает остановиться... Но я не понял его послания и, как покорное животное, шел вместе со всеми вперед, выполнял команды, отдавал приказы. Я ведь нес смерть и отправлял своих солдат на смерть. Когда сталкивался с убитыми по моим приказам людьми, я отворачивался и уходил. Был так шокирован и напуган, что делал вид, будто ничего не происходит. Как дети во время игры в прятки, которые закрывают глаза и считают, что они исчезли из этого мира.

В первую же неделю в Советском Союзе офицеры притащили в казарму нескольких русских девушек и насильовали их всю ночь. Я просто ушел, чтобы меня не заставили участвовать в этой оргии. Провел ночь в танке и утром сделал вид, будто ничего не было. И так я делал каждый день – молчал, отворачивался, не замечал, как рядом люди убивают людей.

Я знаю, что вы меня ненавидите сейчас, и вы правы, я ведь убийца, зверь, который думал, что он человек только лишь потому, что не убивает своими руками, как остальные, а всего лишь отдает приказы и нажимает рычаги в танке. Я ведь отворачивался, чтобы не видеть самого себя, того, кем я стал – преступника с руками по локоть в крови. Поэтому я прошу убить меня, как только стану не нужен вам. Я не хочу в ад, куда попадают самоубийцы. Если бог даст мне возможность искупить вину, я своей кровью смою совершенные мною грехи. Если он разрешит мне, я буду внимателен к знакам, я исполню любую его волю. Ибо господь наш так милосерден, он поможет мне.

Карл вытащил из-под шинели и кителя простенький серебряный крестик, прижался к нему истово губами, зашептал молитву, которую совсем забыл за годы войны.

Лейтенант Соколов лишь пожал плечами на откровения германского офицера – если хочет попасть в рай, туда ему и дорога. Только у советского командира есть дела поважнее, чем спасение душ пленных немцев. За короткий срок танковую роту, состоящую из опытных

фронтовиков и новичков, необходимо превратить в действующую слаженную боевую машину, которая даст отпор врагу, что засел вокруг второй столицы страны. А еще накормить, дать время для отдыха, укомплектовать боеприпасами, горючим, позаботиться о раненых, перетасовать штат, чтобы в каждом экипаже было хотя бы по три человека: мехвод, заряжающий и башнер на наводке, он же командир танкового отделения. Забот у ротного даже в мирные минуты полно, а на поле боя от его решений зависят жизни людей.

Вот и сейчас молодой командир просматривал списки своей роты, карандашом делая пометки таким образом, чтобы поставить неопытных новобранцев в пару с более опытными фронтовиками. «Худяков в двадцатку, Тенкелю Омаева наводчиком, пока будем без пулеметчика», – вполголоса он озвучивал свои мысли, делая расчет единиц личного состава.

* * *

Софа снова и снова пересчитывала коричневые бумажки, три штуки, в каждой тридцать окошечек с еще незнакомой ей цифрой 100. Один квадратик меняешь в пункте выдачи на кусочек хлеба, твердый, черный от добавок коры, но все равно невыносимо вкусный. Сокровище, добытое из коляски для кукол, они с Минькой не удержались и слопали буквально за сутки. Придется ей идти на улицу не только за снегом, но и хлебным пайком. Раньше она ходила вместе с бабушкой, отстаивая многочасовые очереди, но теперь, кроме нее, никто не может получить драгоценный кусочек. Бабушка умерла, Минька от слабости и голода совсем перестал двигаться. Как бы ни страшно ей было, но пустой желудок сжимался от боли, его словно грыз изнутри царпучий злой зверек. И Софа покорно просунула руки в рукава пальтишка, перелатанного из маминого полушубка, обмоталась бабушкиной шалью и, зажав карточки в кулаке, двинулась в далекий путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.